



АНОНС

ВЕРА В НАДЕЖДУ

Балет я впервые увидел в школе. На сцену актового зала вышел конферансье и, с достоинством кашлянув, объявил адажио из «Жизели». Адажио танцевали два известных на всю школу оболтуса из 10-го «А». В плюсовых юбочках и кедах 44-го размера.

Зал умирал со смеху.

Много лет спустя то же самое адажио танцевали на другой сцене. В Большом театре. Танцевала Надя Павлова.

В зале плакали.

Если выбирать между смехом и слезами, неужели есть люди, предпочитающие последнее?

Есть. Если бы их не было, кажется, не было бы и Нади Павловой. Но она есть. Сидит, грациозно закинув ногу на ногу. А лицо по-утреннему свежее, без грима, неожиданно грустно.

Мы условились: сейчас она не знаменитая балерина. Сейчас она просто Надя Павлова. И сначала говорим о банальнейших вещах: о дурной погоде и ржавых листьях в скверике у Большого. А потом она вспоминает, как разревелась недавно в антракте. Отчего? Кто же его знает — отчего... Может быть, для души? Может быть. А почему бы и нет? Человеку просто необходимо время от времени плакать. Она так считает. «Вот вы — когда в последний раз плакали?» Не помню. Она пожимает плечиками: зря... А потом спрашивают уже ее: вы очень счастливы? Она немного удивлена: а чем оно измеряется, счастье? Километрами? Вы — знаете? Нет, не знаю.

Она — тоже...

За окном молочно-белые от пузырей лужи на глянцево-черном асфальте. Мы смотрим на них. И говорим. О счастье и несчастье. Об успехах и неудачах. О вдохновении и усталости. Так уж получилось, что больше — не о балете. Больше — о человеке.

Если вас это интересует, в ближайших выпусках клуба вы сможете прочитать об этом. И не просто прочитать, но и задать свой вопрос Наде. Включитесь в разговор — мы ждем ваших писем.

Игорь МОРОЗОВ.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО.